

ИСТОРИЯ

БЕЖЕНСТВО НА ВИТЕБЩИНЕ В 1915–1922 ГГ.

А. Яковлев

г. Витебск, Беларусь

У артыкуле разглядаюцца пытанні арганізацыі адпраўкі бежанцаў Першай сусветнай і грамадзянскай войн на Радзіму (Латвію, Літву, Польшчу) з тэрыторыі Віцебскай губерніі праз прызму дзеянасці адказных за тое дзяржаўных органаў. Паказаны цяжкасці, з якімі сутыкаліся бежанцы падчас чакання вяртання ў родныя мясціны.

Ключавыя слова: бежанцы, Першая сусветная вайна, РСФСР, Латвія, Віцебск, Віцебскі губэрнавак.

Первая мировая война привела к массовому беженству во всех втянутых в неё странах. Летом 1915 г. количество беженцев в России достигло 3 млн. человек, а ко времени выхода из войны 6–7 млн. человек. С целью оказания помощи жертвам войны 14 сентября 1914 г. в Петербурге был учреждён Татьянинский комитет. Почётное покровительство над ним осуществляла дочь Николая II великая княжна Татьяна Николаевна, а непосредственное руководство находилось в руках Председателя, члена Государственного совета, гофмейстера императорского двора А.Б. Нейдгардта. Представители различных национальных групп – поляки, литовцы, латыши, эстонцы, евреи и др. – предприняли усилия для создания своих национальных Комитетов Помощи Жертвам Войны, которые поддерживал Татьянинский Комитет [1].

В 1915 г. немецкие войска оккупировали часть Латвии, результатом чего стало массовое беженство, впрочем, не всегда добровольное. Проживающие в Петрограде латыши незамедлительно занялись организацией помощи своим землякам. Совет прихода лютеранской евангелической церкви Иисуса 6 мая 1915 г. инициировал создание Латышского Общества помощи беженцам «Дзимтене», в русской прессе называемым «Родина». Собрание общества состоялось 12 июня, на нём был избран Председатель Главного Комитета Общества – настоятель церкви Иисуса, пастор Янис Сандерс. Общество ставило целью объединение всех латышей России и создание своих филиалов в провинциях. Несколько позже, 28 августа 1915 г. в Петрограде возникло Латгальское Общество Помощи Беженцам. Его председателем был избран провизор Владислав Рубинс. В следующем месяце Общество начало активную деятельность в Петрограде и вскорости основало отделения в Витебске и в других городах и губерниях России.

The article deals with the organization sending the refugees of the First World and the Civil War to their home (Latvia, Lithuania, and Poland) from the territory of Viciebsk province in the light of the activities of those responsible for the public authorities. It shows the difficulties faced by refugees while waiting to return to their native places.

Keywords: refugees, First World War, RSFSR, Latvia, Viciebsk, Viciebsk Gubevak.

Убывающие в беженство граждане получали подтверждающие документы: билет беженца, акт на оставленное по месту жительства имущество, расчётные книжки на получение всякого рода помощи. Хранящаяся в Государственном архиве Витебской области расчётная книжка № 9019/200, выданная в 1916 г. жительнице г. Новоалександровск, Макеевой Ксении Савельевне, русской, вероисповедания старообрядческого, представляет собой следующее: на страницах 2–3 даётся информация на русском, польском, литовском и латышском языках о назначении книжки: необходимости её предъявления благотворительным учреждениям (при этом отмечалось, что помочь будет оказана только после выяснения реальной нужды просителя), запрете передачи книжки другому лицу и лишении права на помочь если книжка всё же будет передана. На страницах 4–5 внесены личные данные беженца, на страницах 11–20 делались отметки о времени и выдачи пособия [2, л. 41].

После Октябрьского переворота на беженцев были заведены личные карточки беженца с подробной информацией о нём, записанной самим беженцем, удостоверения беженца и, в некоторых случаях, временный вид на жительство.

Некоторое представление об уровне жизни в довоенное время дают составленные акты на имущество. Так, на убывающего в беженство крестьянина Краславской волости Августа Осиповича Главдана 6 августа 1915 г. был составлен Акт следующего содержания:

«Для определения размера убытков в случае уничтожения разного имущества при нашествии неприятеля мы, нижеподписавшиеся, произвели опись и оценку принадлежащего крестьянину Краславской волости Августу Осиповичу Главдану и находящегося в м. Краславке Двинского уезда по Полоцкой ул.

На месте нами обнаружено ниже перечисленное имущество следующей ценности:

№№	Название предметов	Число вещей	Цена в руб., коп.
1.	Деревянный дом 6 1/2x5	1	3 000
2.	Деревянный дом 5x3	1	1 000
3.	Деревянный флигель 2 1/2x3	1	500
4.	Амбар и сарай	2	300
5.	Овощной огород	1	30
6.	Два буфета для посуды	2	35
7.	Два платяных шкафа	2	80
8.	Два комода	2	60
9.	7 столов и 10 стульев	17	100
10.	6 мягких стульев	6	60
11.	Мягкий диван и два мягких кресла	3	65
12.	Устройство электричества	1	75

13.	3 зеркала	3	40
14.	Стенные часы	1	25
15.	Лавочный буфет	1	150
16.	Ящики для пирожков	5	30
17.	Домашний инвентарь	1	300
18.	6 железных кроватей	6	100
19.	Лесной материал	1	30

Всего оценено на сумму 5 970 рублей 00 коп. – пять тысяч девятьсот семьдесят рублей. [...] [2, л. 8].

Представленный документ свидетельствует об уважении в дореволюционной России к частной собственности граждан невзирая на сословие, а также на благосостояние этого литовского крестьянина.

Большевики, приходя к власти, создали свой орган, который занился проблемами беженцев и пленных – Центральную коллегию о пленных и беженцах, в губерниях эти вопросы возлагались на Губэваки.

30 января 1920 г. Советская Россия и Латвийская Республика заключили между собой договор о перемирии. Он содержал в себе статьи, регламентирующие возвращение беженцев в места их прежнего проживания. После подписания 2 февраля 1920 г. советско-эстонского мирного договора латвийские беженцы получили возможность возвратиться на Родину через Эстонию. В этом же месяце между военными властями РСФСР и Эстонии было заключено соглашение о пропуске через границу поездов с беженцами. Однако возвращение иногда осложнялось целым рядом препятствий. Например, лица, подлежащие призыву в Красную Армию, не могли зарегистрироваться как беженцы и вернуться в Латвию. Большевики также старались препятствовать коммунистам-латышам в возвращении на Родину – 12 августа 1921 г. ЦК РКП(б) принял секретное Постановление о порядке оптации латышами-членами партии подданства Латвии. Эти люди должны были получить разрешение своих партийных организаций и подать заявление о желании работать в подполье [3]. Не разрешалось также возвращение из беженства к местам прежнего проживания в образованных Прибалтийских государствах бывшим царским чиновникам, когда-то туда направленным для службы.

На основании Приказа Реввоенсовета РСФСР от 31 декабря 1919 г. Витгубвоенком своим Приказом № 38 от 18 февраля 1920 г. объявил порядок призыва на военную службу беженцев из Литвы, Латвии, Беларуси и Украины. Призыву на общих основаниях подлежали все без исключения беженцы из этих регионов 1889–1900 годов рождения и унтер-офицеры до 40 лет. Все уклонившиеся от призыва в назначенный срок, в случае их обнаружения, предавались суду Военно-Революционного Трибунала и привлекались к высшей мере наказания. От военной службы освобождались только

негодные по состоянию здоровья. Для выявления призывников рекомендовано было привлечь домовые и уличные комитеты, районные комитеты и милицию [4, л. 29].

В Москве 12 июня 1920 г. на заседании Российско-Латвийской Комиссии был подписан Русско-Латвийский Договор о реэвакуации беженцев. От Правительства РСФСР его подписал А.А. Иоффе, а от Правительства Латвии – И.И. Весман, Н.Р. Берэнс и полковник Э.Ю. Калвин. В Договоре оговаривалось, что возвращение беженцев, желающих вернуться к прежнему месту жительства, по возможности, должно быть осуществлено в непродолжительный срок. Беженцами признавались только те лица, «которые ранее проживали на территории одной из договаривающихся сторон и ныне находящиеся на территории другой, оставившие во время Мировой войны 1914–1917 гг. или во время Гражданской войны занятые или угрожаемые неприятелем районы, либо высланные распоряжением военных или гражданских властей из района боевых действий. Примечание: Равным образом под понятие беженцев подходят все пленные Мировой войны, ранее проживавшие на территории одной из договаривающихся сторон и в период действия настоящего договора находящиеся на территории другой» [4, л. 485]. Отправка беженцев предусматривалась группами или в одиночном порядке. Провоз по своей территории беженцев и их имущества каждая из сторон должна была производить за свой счёт. Пунктами передачи беженцев были определены станция Розеновская бывшей Виндаво-Рыбинской железной дороги и станция Жогово бывшей Петроградо-Варшавской железной дороги. Предусматривалось, что в дальнейшем по согласованию сторон и по мере необходимости передаточные пункты могли быть перенесены в другие места. Россия приняла на себя обязательство еженедельно доставлять на русско-латвийскую границу не менее 2 тысяч беженцев [4, л. 485].

Захватив власть в стране, большевики сразу же начали исключать какую-либо гражданскую инициативу и решение всех вопросов завязывали на себя. Существовавшие ещё до революции национальные Комитеты помощи жертвам войны стали притесняться и в конце концов были ликвидированы. Все вопросы, связанные с беженцами, государство брало на себя, о чём ярко свидетельствует циркуляр заместителя заведующего Отделом Управления Витебского Губвоенревкома Томского от 26 ноября 1920 г., направленный во все Уревкомы губерний. В частности, там говорилось:

«1. Разъясняю, что всякие документы, выдаваемые иностранными миссиями и пр. (в том числе эстонские) имеют юридическую силу лишь в том случае, если они скреплены Наркомвнуделом.

2. Предлагается Уревкомам о всех самочинных действиях иностранных представителей немедленно ставить в известность Отдел Управления Губвоенревкома и копия в Наркомвнудел.

3. Разъясняется, что существующие на местах эстонские, литовские, латышские и др. комитеты являются ненужными ввиду того, что заявления об

оптации должны подаваться гражданами непосредственно в соответствующие Ревкомы для направления в НКВД.

4. При ликвидации эстонских, латышских, литовских и др. комитетов категорически предлагается воздержаться от преследования членов Комитетов за занимание этих должностей, а в случае необходимости применять репрессии, немедленно сноситься с отделом Управления Губвоенревкома. Копии предоставлять в ВЧК для распоряжений» [4, л. 278].

В Инструкции, направленной заведующим Эвако-учётным отделом Витебского Губэвака Эпштейном в Отделы управления Уревкомов, указывалось, что право на регистрацию и возвращение в свою страну предоставляется только тем беженцам, а также бывшим русским и вражеским военно-пленным империалистической и гражданской войны, которые имеют необходимые документы – старый паспорт с соответствующими в нём данными или документы, выданные разными беженскими Комитетами не позднее 1918 г. Здесь же пояснялось, что «беженцы на предмет их регистрации (получения установленного беженского билета) подают в отдел Управления соответствующие заявления с указанием точного места жительства в настоящее время и приложением нотариально заверенных копий документов, доказывающих их беженское состояние (не происхождение) и удостоверение учреждения или предприятия, в котором они служат с указанием должности». Те же, кто не состоял нигде на службе, должны были представить соответствующее удостоверение от Укома или Волкома труда или регистрацию отдела распределения рабсилы. Уже имеющие беженские билеты обязаны были перерегистрироваться в Отделах управления Уревкомов [4, л. 314]. В целях исключения разного рода злоупотреблений при выдаче беженских билетов Главэвакзап 2 декабря 1920 г. принял постановление об ограничении числа эвакопунктов, которым предоставлялось право выдавать беженские билеты. Было решено такое право предоставить только Эвакам в Орше, Минске, Витебске, Гомеле и Смоленске, которые имели опытных работников. Перерегистрация всех беженцев предусмотрено было осуществить до 12 февраля 1921 г. [4, л. 275].

Запись на эшелоны для отправки домой производилась в строгом соответствии с «Инструкцией по регистрации, записи на эшелоны, вселения в бараки и удовлетворения довольствием и учёту». В ней указывалось, что все выше перечисленные мероприятия должны осуществляться согласно требованиям Центрэвака и Главэвакзапа. О времени посадки и отправки беженцев Губэвак информировал заинтересованных лиц через местную прессу, путём вывешивания объявлений в Эвакуационном учётном отделе, а также рассылая телеграммы и телефонограммы в уезды. Списки неутверждённых к отправке предоставлялись на рассмотрение в Особый отдел местного Губчека. Отправка беженцев, как правило, осуществлялась эшелонами, сформированными в пределах губернии, и в редких случаях, с особого разрешения Начальника Управления, транзитными эшелонами [4, л. 326].

Объём багажа, который беженцам разрешалось вывозить с собой, определялся межгосударственными договорами. Общий вес багажа, сверх ручного, не должен был превышать 8 пудов для главы семьи и одиноких, 5 пудов для каждого члена семьи и 2 пудов для детей младше 10-ти лет. Лицам специальных профессий – медикам, художникам, учителям, техникам, ремесленникам и т.д. разрешалось вывозить также предметы профессиональной деятельности: инструменты, книги и другие специальные принадлежности [4, л. 138]. Особые и строгие требования предъявлялись к перевозке печатных произведений, библиотек, финансовых документов, актов. В документе, подписанным начальником Витебского губернского военно-цензурного отделения Николаевым указывалось:

«Все печатные произведения, акты, документы, рисунки, фотографии и бумаги всякого рода, карты географические, военные, предназначенные к вывозу за границу, подлежат просмотру военной цензурой. Просмотр производится не в Эвакопункте, а в отделении военной цензуры по Смоленской улице, д. 36.

а) на печатные произведения – отдела научных библиотек Наркомпроса, Москва, Волхонка, д. 18;

б) для актов, документов и бумаг финансового характера – отдела международных расчётов Наркомфина, Москва, Ильина, д. 14» [4, л. 456].

В соответствии с Русско-Латвийской Конвенцией о беженцах не допускалось к вывозу беженцами следующее имущество:

«1. Печатные произведения, акты и деловые документы, фотографии и бумаги всякого рода, неснабжённые пометкой о состоявшемся просмотре их соответствующими учреждениями.

2. Оружие, предметы военного снаряжения и полевые бинокли.

3. Мануфактура, скорняжные, кожевенные, галантерейные и другие предметы, предназначенные для торговли, а не для личного пользования.

4. Предметы продовольствия в количестве более 30 фунтов на каждого человека, в том числе 12 фунтов муки или хлеба, 6 фунтов мясных продуктов, 3 фунта молочных продуктов и 10 фунтов прочих съестных припасов, в том числе сахару более одного фунта и чаю $\frac{1}{4}$ фунта.

5. Домашний скот и домашние птицы (Примечание: беженцам, следующим не по железнодорожному транспорту, разрешается вывозить домашний скот и птиц в том же количестве, какое ими было вывезено при эвакуации).

6. Автомобили, мотоциклы, велосипеды, экипажи всякого рода, телеги и сани (Примечание: в отношении экипажей, телег и саней действует примечание к пункту 5-му).

7. Драгоценные металлы в неотделанном виде, драгоценные камни без оправы, золотые и серебряные монеты.

8. Золотые и платиновые вещи, весом более 16 золотников каждая, золотые и платиновые изделия в количестве, превышающем общим весом 16

золотников на одно лицо, и изделия из серебра, превышающим 1 фунт на одно лицо (Примечание: золотые или серебряные часы, обручальные кольца, серебряные портсигары, дамские портмоне разрешаются к вывозу один экземпляр на каждого взрослого человека, причём вес их не входит в установленную настоящим пунктом норму).

9. Изделия из драгоценных камней (алмазы, бриллианты, сапфиры, изумруды, рубины), а также жемчуга, общий вес которых превышает один карат.

10. Всякого рода машины и части, физические аппараты, хирургические приборы и музыкальные инструменты, кроме означенных в примечании к п. 11 сего приложения (Приложение: швейные машины разрешаются к вывозу (проводу) по одной на семью. Также разрешаются к вывозу музыкальные инструменты для музыкантов-любителей, если будет доказан факт вывоза ими таковых при эвакуации).

11. Табачные изделия, папиросы более 500 штук или $\frac{1}{2}$ фунта табаку на каждого взрослого старше 18 лет.

12. Мыло, сверх одного куска туалетного на каждое лицо и 1 фунт простого на семью.

13. Бумажные деньги без различия выпуска свыше 20 тысяч рублей российских на каждое лицо. Пропуск суммы свыше установленной нормы допускается лишь с особого разрешения соответствующих органов.

14. Иностранный валюта без особого в каждом отдельном случае разрешения на вывоз от соответствующих органов.

15. Всякого рода процентные и дивидендные бумаги, закладные листы и купоны, а также векселя, транспортные квитанции, вариантные свидетельства и страховые полисы, кроме тех, на пропуск коих последует разрешение соответствующих органов.

18. Предметы, имеющие художественное и антикварное значение на пропуск коих не последует особого разрешения соответствующих органов договаривающихся сторон» [5, л. 485].

Кроме указанного в Конвенции, в соответствии со статьей 17 Приказа Центрального управления по эвакуации населения от 15 июля 1920 г. запрещалось вывозить документы «вредные для Российской республики в политическом и экономическом отношении» [5, л. 441].

В эвакопунктах губернии спекулянты распространяли среди беженцев слухи, что на границе у беженцев забирается почти всё, и те, веря им, нередко продавали свои даже очень необходимые вещи за бесценок, что в случае возникшей задержки с отправкой приводило к бедственному положению [4, л. 44].

С целью недопущения в сформированные и подготовленные к отправке эшелоны лиц, незанесённых в эшелонные списки, назначались коменданты эшелонов и старшие в вагонах, на которых возлагалась ответственность за соблюдение установленных правил перевозки беженцев. Старшие вагонов,

в которых обнаруживались посторонние лица, рассматривались как способствующие шпионажу [4, л. 200]. Во все отправляемые эшелоны, независимо от количества в них беженцев, назначался медицинский работник, обычно среднего звена. Иногда это был кто-либо из беженцев, но как правило сестра милосердия, назначаемая здравотделом губернии, которая прикомандировалась в Губэвак. В Сводке о сопровождении эшелонов медицинскими работниками удалось найти информацию о латышских эшелонах, убывших из Витгубэвака в период с августа по декабрь 1920 г. [6, л. 72]:

№№	Дата	Станция отправки	Количество беженцев	ФИО медработника	Время возвращения
1	24.08.20 г.	Себеж	1 406	лекпом Таукул	
2	11.09.20 г.	Себеж	922	с/м Рабинович	21.09
3	22.09.20 г.	Себеж	1 418	с/м Мильнер	29.09
4	6.11.20 г.	Себеж	622	лекпом Рубина	29.09
5	27.12.20 г.	Себеж	540	с/м Журбина	2.01
6	12.02.21 г.	Себеж	702	с/м Рабинович	19.02

Возвращаться из заграничной командировки лекпомы и сёстры милосердия должны были через 7–10 дней. Указанный в Сводке лекпом Таукул сам был беженцем и возвращался в Латвию, одновременно выполняя обязанности медработника.

Лица, прибывающие по распоряжению Эваков для отправки эшелонами, на период их формирования временно размещались в бараках и общежитиях Губэвака. Прибывших в Витебск беженцев Губэвак размещал в приёмниках т.наз. «Марковских бараках» (по месту их расположения в районе бывшего Марковского монастыря). Приёмники были поделены на приюты для детей, на места пребывания семейных пар с малолетними детьми и для специальных групп эвакуированных. Здесь беженцы могли проживать не более 10 дней и перед отправкой обязательно проходили через баню с одновременной дезинфекцией белья и одежды. Не допускалось пребывание в них более двух недель. В случае крайней необходимости беженцы переводились в специальное общежитие на улице Нижне-Петровской д. 15. Марковские бараки, наглухо разделённые на две половины, были рассчитаны на временное пребывание 75–100 человек. Большие бараки делились не менее чем на 4 части, каждая из которых имела не менее двух дверей [4, л. 171]. Для размещения больных Губэвак содержал изолятор на несколько десятков человек, но в октябре 1920 г. в связи с ожидаемыми эпидемиями заведующий Изоляционно-пропускным пунктом просил разрешения расширить имеющийся изолятор до 70 коек и оборудовать новый [7, л. 232].

Некоторые категории беженцев обеспечивались продовольствием на станции формирования и отправки эшелонов. Порядок обеспечения определялся специальным Протоколом от 19 ноября 1920 г. Так продовольствие выдавалось: проходящим через станцию Витебск эшелонам с беженцами и

военнопленными; проходящим одиночным порядком по документам Эваков; беженцам Гражданской войны; нетрудоспособным и безработным жильцам бараков и других общежитий Губэвака¹.

При этом эшелонам продовольствие выдавалось во время пребывания на колёсах, отдельно двигающимся – во время пребывания на станции Витебск, всем остальным – в течение трёх суток, при этом направляя трудоспособных в Рабсил, а нетрудоспособных – в Соцобес на освидетельствование. Первые на четвёртые сутки по предоставлении удостоверений о безработности получали продовольственную карточку ещё на 7 (максимум 10) дней. Спустя 10 дней все, кто не проживали в бараках и общежитиях Губэвака, переставали получать продовольствие. Из проживавших там снабжаться продолжали только нетрудоспособные и безработные [4, л. 316].

Продовольствие отпускалось по нормам, установленным Приказом Центральной комиссии о пленных и беженцах от 1 января 1920 г. № 408 [8, л. 5–7]:

<i>Наименование</i>	<i>Основная норма для пленных, беженцев, персонала пунктов и прочее, золотников² в день</i>	<i>Для заключенных и персонала лагерей, золотников в день</i>
Хлеб	96–72	96–72
Крупа	18	32
Мясо или	24	32
Рыба или	24	40
Чечевица	30	38
Овощи	48	48
Картофель	96	96
Жиры	4,8	4,8
Соль	3	3
Чай или	0,2	0,2
Суррогаты	1	1
Приправа-подболт. мука	1, 3/5	1, 3/5
Лук	1	1
Перец	1/6	1/6
Томат	4	4
Лист	1/14	1/14
Мыло	¼ фунта ³ /мес.	¼ фунта/мес.
Табак	½ фунта/мес.	½ фунта/мес.

¹ Трудоспособными считались мужчины от 16 до 50 лет, женщины от 16 до 40 лет. Все остальные относились к нетрудоспособным. Женщины, имеющие детей до 6-ти лет, довольствием приравнивались к нетрудоспособным. Основанием для получения продовольствия служила отметка о регистрации в Губэваке, а для прибывших эшелонами и одиночками – атtestаты.

² Золотник = 4,2657 г.

³ Фунт = 0,41 кг

При этом беженцы и персонал пунктов, лагерей получали 72 золотника хлеба, а военнопленные – 96 золотников. Кисели, компоты, яйца, молоко отпускались только больным по рецептам врача.

Дети до 16 лет получали 6 2/3 зол. крупы, 3 1/5 зол. картофельной муки, 1 3/5 зол. жира, 3 1/5 зол. сахара и 1 бутылку молока. Детям пленных в возрасте от года до пяти лет рацион увеличивался на 1 бутылку молока в день и 3 яйца на 7 детей в день, детям заключённых в возрасте от пяти до шестнадцати лет дополнительно выдавалось 2 яйца на 7 детей в день.

Стоимость пайка согласно существовавших твёрдых цен удерживалась из месячного содержания служащих.

Как следует из архивных документов, бараки не были приспособлены для размещения в них беженцев в зимнее время. В связи с этим минский эшелон, прибывший в ноябре 1921 г., был отправлен в Невель, а латышских и польских беженцев разместили в бараки, не находившиеся в ведении Губэвака, предварительно выселив оттуда уже проживавших там без разрешения беженцев из Поволжья, «которые убегая от голодной смерти в Поволжье наводнили станцию Витебск, железнодорожный узел и не находя себе другого приюта расположились в помещении вокзала, распространяя эпидемии, ежедневно 30–50 семей направлялись к новому месту жительства» [9, л. 14].

Большие проблемы Витгубэвак в 1921 г. имел с отправкой литовских беженцев, особенно во второй половине 1921 года. Высылаемые витебским Эваком в Литпредставительство в Москву списки беженцев длительное время там пересматривались и из них вычёркивались некоторые беженские семьи (особенно еврейские). Это привело к скоплению в Витебске в бараках множества литбеженцев, имеющих на руках документы об их беженстве из Литвы, но вычеркнутых из списков Литпредставительством в Москве, что очень тормозило дело реэвакуации. После вмешательства Главэвака удалось пригласить Литпредставителя в Витебск для визирования документов на месте, благодаря чему проблему удалось разрешить. В это же время из Минска по распоряжению Главэвакзапа сюда был направлен ещё один эшелон с литовскими беженцами, документы которых также были на месте визированы. Таким образом было зарегистрировано около 1 000 человек, после чего Литпредставитель уехал в Полоцкий Уездвак, где также имелось большое количество непропущенных литбеженцев [9, л. 13].

В апреле 1921 г. Витгубэвак в отчёте о своей деятельности отмечал стихийное увеличение числа беженцев из Украины (особенно убегающих от погромов евреев), которые стремились в Латвию, Литву и частично в Польшу [9, л. 4].

В 1921 г. Витгубэвак отправил в Латвию 2 321 человека, в Литву – 7 331 и в Польшу – 7 464. Всего в том году было отправлено 17 181 беженца (как железнодорожным транспортом, так и гужевым). Ещё следует отметить и

беженцев, следующих транзитом через Витебск. Только за последний квартал 1921 г. через город прошло 40 187 беженцев, в основном транзитных [6, л. 265]. Кроме организованной отправки некоторые из беженцев иногда решались на самостоятельный незаконный переход границы. Так, некто Бренч и Цернин хотели перейти границу Латвии, но были задержаны и арестованы [2, л. 31].

Деятельность Витгубэвака в значительной степени осложнялась из-за поступления большого количества больных различными заболеваниями, особенно инфекционными – холерой, дизентерией, сибирской язвой, лихорадкой, сыпным тифом, а также желудочно-кишечными расстройствами. В связи с прибытием в Витебск эшелонов из эпидемических мест, 17 июня 1921 г. под председательством доктора Гершун в Витебске прошло межведомственное совещание для выработки мероприятий по борьбе с холерой, на котором постановили:

«В целях обеспечения эшелонов горячей пищей, кипятком и уборными, ставить эшелоны в определённом месте. Таковым по заявлению Зав. Комуна. Отделом может быть только Марковщина I. Для перевозки продуктов предоставить грузовой автомобиль.

В Марковщине II занять под карантин казарменного типа 4 барака на 1 000 мест. Обнести соответствующее пространство колючей проволокой и поставить военный караул. В случае заболевания в эшелоне 13% наличного состава, весь эшелон подлежит карантинизации (Примечание: срок карантина 5-тидневный со дня последнего случая).

Подозрительных на холеру красноармейцев направлять через рампу 143 Эвакопункта, всех без исключения остальных – в Городскую Заразную больницу. Установить круглосуточное дежурство врачей в Амбулатории Изопропункта Губэвака наряду с дежурством среднего персонала.

Все без исключения подозрительные на холеру из карантинизируемых направляются в соответствующий марковщинский госпиталь Эвакопункта.

Дезинфекция бараков производится мыльно-карболовым раствором.

В Марковщине I и II уборные устраиваются полевого типа и по мере надобности закапываются» [6, л. 140].

С санитарного поезда № 210, который прибыл в Витебск 14 января 1922 г. было снято 12 умерших детей [5, л. 15]. В июле Губэвак был объявлен на чрезвычайном положении из-за угрозы эпидемии холеры и получил распоряжение об оборудовании карантина на 10 тысяч человек [10, л. 95]. Из эшелона с 223 следующими из Симбирска беженцами Изопропунктом Витгубэвака 24 июля 1922 г. (в день его прибытия в Витебск) было снято два больных с бактериологически установленной холерой. Все пассажиры вагона, в котором находились больные, были подвергнуты карантину [6, л. 187]. За первую неделю августа было выявлено 6 беженцев, заболевших дизентерией, 1 – холерой, 3 – желудочно-кишечными заболеваниями [6, л. 203], с 8 по 14 августа было выявлено 3 случая заболевания дизентерией и с

пассажирского поезда снят 1 заболевший холерой красноармеец [6, л. 210]. Инфекционными болезнями заразились также 27 сотрудников Губэвака [6, л. 252]. За декабрь 1922 г. на пункт поступило 55 больных, после лечения убыло 42, а 11 умерло (судьба двух в документе не уточняется) [6, л. 320]. Умерших Санитарный отдел Губэвака передавал Погребальному отделу Витгубкоммунотдела. К примеру, в июле 1922 г. захоронение одного человека стоило 1 400 рублей [5, л. 48].

Общежитие Губэвака, размещённое недалеко от железнодорожного вокзала на улице Нижне-Петровская в доме № 15, также было использовано для временного проживания беженцев. Однако, как следует из переписки Губэвака, каким-то образом туда смогли вселиться преступные элементы, которые постоянно терроризировали беженцев. Ситуация настолько осложнилась, что начальник Губэвака вынужден был обратиться в Губрозыск и Губмилицию с просьбой о немедленном выселении «бандитов». В письме в эти органы сообщалось следующее: «Витгубэвак настоящим срочно просит принять энергичные меры к очистке общежития Губэвака по Н. Петровской 15 от тёмных элементов, творящих беззаконие и разврат днём и ночью не стесняясь присутствия детей. Из бандитов выделяется Антон Рутковский, Нюрка, Сонька по кличке «Сонька-толстушка» и другие. При попытке протеста со стороны беженцев, проживающих в общежитии, бандиты бросаются на них, угрожая кинжалами и ножами. Витгубэвак категорически настаивает о проведении в жизнь постановления за № 195 Витгубисполкома и выслать их из пределов Витебской губернии» [11, л. 79].

Перечисленные выше «бандиты», как видно из других документов, были всё-таки беженцами, направляющимися в Польшу, но даже имея на руках визированные документы, они уклонялись от отправки на Родину и продолжали незаконно проживать в общежитии. Одна из этой группы, некто Юзефа Нареска, будучи пропущенной на 5-й эшелон, вернулась обратно из Орши и самостоятельно вселилась в общежитие, также поступили Иван Савицкий и Владимир Капацевич с матерью [11, л. 107].

В доме № 15 по ул. Н. Петровской проживали также беженцы, непризнанные правительствами Латвии, Литвы и Польши и не получившие оптации этих государств [11, л. 133]. Среди них оказались записанные на 14-й, последний латышский эшелон, демобилизованные из Красной Армии В. Букку, А. Арайс, И. Лауве, Э. Шмидт, К. Андерсон [11, л. 75].

Следует отметить, что Губэвак не был просто какой-то конторой, регистрирующей беженцев, а имел большое количество подчинённых подразделений, выполняющих различные функции, связанные с обеспечением приёма и отправки беженцев (здравых и больных). Например, в 1922 г. при витебском пункте Витгубэвака имелись: канцелярия, приёмный покой, изолятор, зубоврачебный кабинет, амбулатория, клуб, слесарные мастерские,

продпункт, справочное бюро, бараки, прачечная, аптека, хлебопекарня, парикмахерская, баня, столярная мастерская, коммунальная служба Марковщины I, дезинфекционные камеры, комендатура, транспорт [11, л. 256].

В конце 1921 г. число сотрудников Витпункта Губэвака составляло 165 человек, а всего в Губэваке работало 260 человек. В ноябре 1921 г. начальником Витгубэвака был Красовский [6, л. 252]. Должность заведующего Эвакотделом Витебского Базового Эвака занимал латыш Стекель, который в 1922 г. вызвал из Латвии в Витебск свою мать.

В 1922 г. укомплектование и отправка эшелонов с беженцами в Латвию, Литву и Польшу началось в феврале. В этом месяце в Латвию было отправлено 300 человек, в Литву – 595 и в Польшу – 259. В мае–июне Губзак не испытывал особой напряжённости в своей работе и в основном пропускал транзитные эшелоны. С июля, в связи с установлением Народным комиссариатом внутренних дел предельных сроков регистрации и отправки беженцев всех категорий Витгубзак начал работу по ликвидации беженства империалистической войны и произвёл окончательный и точный учёт осевших беженцев всех категорий в пределах Витебской губернии. С этого времени возобновилась укомплектование и отправка очередных эшелонов. За июль–сентябрь было отправлено 1 156 беженцев империалистической войны. В октябре на Родину выслали 72 польских беженцев, в ноябре – 350 латышских и 129 литовских. К концу учётного периода в пределах Витебской губернии оставалось неотправленных около 500 беженцев. В отчёте о деятельности Эвакотдела Витлинпункта за весь 1922 г. указано, что одной из причин, вызывающих промедления в отправке эшелонов с беженцами, являлись препятствия, чинимые представителями стран, в которые направлялись беженцы: «Следует отметить, что главным тормозом в ликвидации беженства Империалистической войны являлось отрицательное отношение Представителей Окраинных государств к приёму некоторых категорий. Представительствами при визировании документов чинятся различные препятствия и вычёркивается из списков огромное количество беженцев, от 60–70%, фактическое беженство которых является неоспоримым. Такое отношение Представительств, как показала практика, носит исключительно национальный характер (поляки не пропускают почти никого кроме поляков, латыши только латышей). [...] Литовским Представительством кроме массового невпуска и вычёркивания при визировании документов беженца допускается ещё особый утончённый метод издевательства над лицами нелитовской национальности – возвращение с границ уже завизированных представленных документов. На почве вышеуказанных позорных действий Литвы, разоряются целые десятки и сотни семейств, которые получили визу на въезд в Литву и будучи уверены в бесспорном их пропуске на Родину, рас prodрают всё своё имущество, снимаются с мест, направляются к границе и впоследствии остаются без всяких средств к существованию вследствие

оторванности их с уже полунасажденных мест за время беженства. Необходимо добавить, что вышеуказанные категории беженцев ложились тяжёлым бременем на государство вообще и на близлежащие к границе Эваки, в частности, в общежитиях, в которых они концентрировались в ожидании новых документов из Министерств соответствующих Окраинных государств на право въезда» [11, л. 217].

В конечном итоге все спорные вопросы в основном были решены. Количество беженцев нелатышской национальности, получивших оптацию Латвии, составило четвёртую часть от общего количества. В феврале—декабре из Витебска было отправлено 771 беженец Латвии, 1 180 беженцев Литвы и 878 беженцев Польши. Из Полоцка в этот же период отправлено 77 беженцев Латвии, 197 беженцев Литвы и 262 беженца Польши. Из Невеля отправлено только 330 беженцев Литвы. Транзитом через Витебск проследовало 5 014 беженцев Латвии, 5 009 беженцев Литвы и 9 893 беженца Польши. В декабре 1922 г. в Латвию отправился последний (14-й) эшелон беженцев, после чего документы Эвакотдела были приведены в порядок, сданы на хранение в архив и он прекратил своё существование. После ликвидации Витгубэвака часть его сотрудников была уволена, некоторые переведены для дальнейшей работы в ещё продолжающий действовать Эвак в Петрограде, туда же была передана и часть имущества витебского Эвака (например, медсанчасть и прачечная были переданы ещё 1 ноября 1922 г.) [11, л. 223]. На торгах в Витебске, которые проходили 3–5 января 1923 г. в помещении по улице Канатной д. 8 состоялась открытая продажа лошадей, экипажей, старого обмундирования и других предметов Губэвака. Осмотр имущества допускался в указанные дни с 11 до 15 часов [11, л. 256].

Таким образом, перипетии Первой мировой и Гражданской войны породили значительный поток беженцев с западных территорий российского государства. С образованием независимых Польши, Литвы, Латвии и Эстонии и признанием их со стороны Советской России постепенно начался процесс возвращения беженцев в родные места. Вначале беженцам оказывали помощь национальные комитеты помощи, но в 1920 г. они были ликвидированы и решение вопроса государства взяло на себя, организовав для этих целей губернские эвакуационные комитеты. Эти органы занимались учётом, расселением, снабжением и отправкой беженцев на границу. Определённые трудности создавали сбои со снабжением, недостаточность материальной базы (особенно для размещения беженцев в зимнее время), вспышки эпидемий и действия криминального элемента. Тем не менее к концу 1922 г. вопрос с возвращением беженцев из Витебской губернии на Родину был практически решён.

Использованные источники:

1. Гэтрелл, П. Война, бегство и рождение нации. Драма беженцев в царской России и ее последствия, 1914–1920 [Электронный ресурс] // Уроки истории. XX век. – Режим доступа: <http://urokiistorii.ru/node/52181>. – Дата доступа: 30.05.2017.
2. Государственный архив Витебской области (ГАВО). Ф. 1734, оп.1, д. 246.

3. Бартеле, Т. Латышские беженцы в Петрограде. 1915–1920 [Электронный ресурс] / Т. Бартеле, В. Шалда // Bezogr.ru. – Режим доступа: <http://bezogr.ru/tema-bejenstva-sudebi-bejencev-v-godi-pervoj-mirovoj-i-grajdan.html>. – Дата доступа: 30.05.2017.
4. ГАВО. Ф. 1734, оп. 1, д. 78.
5. ГАВО. Ф. 1734, оп. 1, д. 440.
6. ГАВО. Ф. 1734, оп. 1, д. 112.
7. ГАВО. Ф. 1734, оп. 1, д. 199.
8. ГАВО. Ф. 1734, оп. 1, д. 397.
9. ГАВО. Ф. 1734, оп. 1, д. 215.
10. ГАВО. Ф. 1734, оп. 1, д. 103.
11. ГАВО. Ф. 1734, оп. 1, д. 152.